

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Смоленский государственный университет»
Кафедра литературы и журналистике

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Ученые записки

Том 18

Смоленск
Изд-во СмолГУ
Свиток
2018

*Печатается по решению редакционно-издательского
совета Смоленского государственного университета*

ISBN 978-5-907148-09-3

В 18 томе «Русской филологии» представлены ставшие уже традиционными разделы, посвященные исследованиям в области русской литературы — фольклора, поэзии и прозы XIX–XXI веков, истории зарубежной литературы; истории журналистики; теории текста, литературе Смоленской земли, жизни кафедры.

Издание включено в каталог изданий, входящих в ведущую систему индексов цитирования (РИНЦ).

Виньетка на титуле выполнена Е.К. Шоляренко по мотивам гравюры Сандерса с рисунка С. Тончи на фронτισписе «Анакреонтических песен» Г.Р. Державина (СПб., 1804).

[illegible]

Научное издание

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
Ученые записки
Том 18

Подписано в печать 20.12.2018
Формат 60х90 1/16. Усл. печ. л. 101. Тираж 500 экз.
Заказ 479. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Arial».

ISBN 978-5-907148-09-3

© Авторы, 2018
© ООО «СВИТОК», 2018

26. РГАЛИ, фонд 1451, оп. 1, ед. хр. 4, л. 131. Песня осенняя, поют во время трепки льна или во время посиделок.
27. РГАЛИ, фонд 1451, оп. 1, ед. хр. 4, л. 133.
28. РГАЛИ, фонд 1451, оп. 1, ед. хр. 4, л. 135. Солдатская песня.
29. РГАЛИ, фонд 1451, оп. 1, ед. хр. 4, л. 136.
30. РГАЛИ, фонд 1451, оп. 1, ед. хр. 4, л. 139. Песня жнивная.
31. РГАЛИ, фонд 1451, оп. 1, ед. хр. 4, л. 140.
32. РГАЛИ, фонд 1451, оп. 1, ед. хр. 4, л. 141. Песня сиротская, жнивная.
33. РГАЛИ, фонд 1451, оп. 1, ед. хр. 4, л. 147.
34. РГАЛИ, фонд 1451, оп. 1, ед. хр. 4, л. 149.
35. РГАЛИ, фонд 1451, оп. 1, ед. хр. 4, л. 158–159.
36. РГАЛИ, фонд 1451, оп. 1, ед. хр. 4, л. 162.

Л. Г. Каяниди

УДК 398.8

Смоленские свадебные песни, собранные В. К. Ефременковым (по материалам РГАЛИ)

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта «Фольклорное наследие Смоленщины в записях белорусских и русских исследователей», № 17–24–23001.

Ключевые слова: *смоленский фольклор, свадебные песни, архив, В. К. Ефременков.*

Публикация представляет материалы фонда смоленского собирателя фольклора В. К. Ефременкова в РГАЛИ и посвящена свадебным песням.

Из песенного наследия В. К. Ефременкова, насчитывающего более 50 текстов, хранящихся в РГАЛИ, выделяется группа обрядовых песен, состоящая из 19 текстов: 14 принадлежат к календарно-обрядовым, а пять — к свадебным [3, с. 392]. Во всех случаях это позволяет установить соответствующее замечание собирателя. Первые три из публикуемых песен следует отнести к предсвадебным, другие две связаны с первым днем свадьбы, во время которого совершался переход невесты в семью жениха.

Предсвадебные песни

Особенность представленных предсвадебных песен заключается в том, что они не сопряжены с определенным моментом ритуала (сватовство, встреча жениха и т.д.), но вместе с тем входят в круг свадебной обрядности. Эти песни исполнялись в период между сватовством (которое носило в Смоленском регионе название «запоины / заручины») и днем, предшествующим свадьбе. Для этого периода характерен «внешний, общинный характер» ритуала и творчества, ведущая роль в нем принадлежала «посторонним (односельчанам молодоженов)» [5, с. 28]. Просватанной девушке исполнялись разнообразные свадебные песни в необрядовых ситуациях: во время работ или отдыха, при возвращении домой с работы, на собраниях молодежи. «При выборе песен старались избегать тех, в которых комментировались конкретные обрядовые действия, и исполняли тексты нейтрального лирического содержания» [5, с. 29].

Первые две предсвадебные песни Ефременкова действительно отмечены «нейтральным лирическим содержанием», а третья, являясь сиротской, наделена особой образностью, свойственной данному типу песен.

Липушка зяленая
Усю восень шумела.
Ай да раным-рано
Усю восень шумела.
Усю восень глубокою
С листиками говорила,
Ай да раным-рано
С листиками говорила:
«Листики зяленые,
Будить нам разлука.
Ай да раным-рано
Будить нам разлука». —
«Липушка зяленая,
Ды хто нас разлучить?» —
«Разлучить нас, липушка,
Сняги да морозы.
Ай да раным-рано
Сняги да морозы».
Полечка молодая
Усю ночку не спала,
Усю ночку темную
С маткой говорила,

Ай да раным-рано
 С маткой говорила.
 «Матушка родимая,
 Будет нам разлука.
 Ай да раным-рано
 Будет нам разлука». —
 «А хто нас разлучить?
 Ай да раным-рано
 А хто нас разлучить?» —
 «Разлучать нас, маменька,
 Князь да бояре,
 Князь да бояре.
 Молодой Мишечка,
 Ай да раным-рано
 Молодой Мишечка.
 А Мишечки шапочка,
 Как жар, разгораеть,
 На шапочки тветики,
 Как мак, расцветаютъ» (1).

В комментарии собирателя указывается, что эту песню «пели просватанной девке во время коллективных работ». Эта запись и позволяет нам отнести песню к разряду предсвадебных.

Данная песня строится на психологическом параллелизме, который является одним из самых распространенных приемов организации фольклорного текста. Этот параллелизм отливается в форму нескольких взаимосвязанных образных парадигм: «липа → мать невесты», «липовый листок → невеста», «снег и мороз → жених и его дружки (князь и бояре)». Образный строй песни содержит характерные для свадебного обряда мотивы (расставание с матерью, горечь разлуки) и выражения (князь да бояре), но эти элементы не имеют однозначной отсылки к какому-либо моменту свадебного ритуала, что является отличительной чертой как раз свадебных песен, которые исполнялись в промежутке между запоинами / заручинами, как окончательным этапом сватовства, и предсвадебным днем, как началом свадебного ритуала.

Скорбный пафос песни переламывается в последних четырех строках, где образ жениха представлен метонимически — через образ шапки, украшенной красными цветами. Финальный образ жениха контрастирует с мотивом печали и горечи разлуки дочери с матерью. Этот контраст подчеркнут с помощью изменения времени года: разлука про-

исходит осенью, отмеченной холодом, а образ жениха овеян весной (жар разгорается, цветы расцветают).

Па вулице па широкой
Рой идет,
По мураве по зяленой
Стелится, стелится.
Туда й шли ды красныя дейки
С гулянья, гулянья,
Звали, звали ды Нюрочку
С собою, собою:
«Пойдем, пойдем
Через рою». —
«Вы ня йдита, ды красныя дейки,
Ня йдита, ня йдита.
А я сабе ды белою рою
Споймала, споймала,
Молодого Колечку.
А белый рой ды Колечка
Молодой, молодой,
Белая раица ды Нюрочка
Молода, молода (2).

В комментарии собирателя содержится помета: «Песня свадебная. Поется после сватовства к девице». Если бы не указание Ефременкова, о включенности песни в свадебный обряд можно было бы догадаться только по словам «молодой», «молодая». Этот текст как никакой другой среди представленных песен нуждается в комментарии.

Не будет безосновательным допущением утверждать, что песня распадается на три образно-мотивных части: 1) по земле стелется рой, 2) девушки намереваются пройти через этот рой и призывают присоединиться к ним Нюрочку, 3) на это предложение Нюрочка отвечает отказом, обосновывая его тем, что она уже обладает «белым роем» — молодой Колечкой и сама является «белой раицей».

Слово «рой» в «Словаре русских народных говоров» связано с пчелами, это прежде всего пчелиный рой [4, с. 167]. Стало быть, в песне находит отражение представление о магической силе такого пчелиного роя. Место его пребывания считалось способным принести девушке любовное счастье, влюбить в себя молодого человека, ускорить замужество [2,

с. 461]. Мотив перехода через пчелиный рой означает желание девушек приблизить свой брак. Отказ девушки-невесты от участия в общем деле указывает на ее особый статус: она уже просватана, и ей нет надобности совершать магические обряды. «Участие невесты в девичьих гуляниях обычно прекращалось после сговора и обручения» [1, с. 417].

Жених (Колечка) и невеста (Нюрочка) с помощью редкого варианта синекдохи — переноса названия целого (пчелиного роя) на части (отдельных пчел) — уподобляются двум пчелам — рою и роице. Белый цвет этих пчел указывает на любовную страсть: белый в фольклорных текстах — аналог огненного.

А почем узнать пу всяслику
 Что сиротская свадьба?
 Пиво не пьяно,
 Мед не сладок,
 Горелка не горька.
 А кого мы пошлем?
 Ды няродныва батьку,
 Ды няродныва батьку,
 Соловья-пташку —
 Неродныва батьку.
 Соловей-пташка не долетаеть —
 Батюшка про то не знает.
 Рада бы ўстати
 К своему дитяти,
 Не могу взглянуть:
 Жоўтыя пески
 Засыпали глазки.
 Не могу прыдыхнути:
 Сыра мать на груди легла.
 Не могу прыдыхнути! (3)

Песня снабжена пометкой Ефременкова: «Сиротская свадебная песня. Поют девушке-сироте за неделю до свадьбы во время работы». Ее образный строй соответствует песням данного типа. Так, здесь возникает характерный мотив невозможности встать, подняться к своей дочери (*Рад бы ўстати / К своему дитяти*), невозможности дышать, так как земля лежит на груди, и невозможности смотреть, поскольку глаза засыпаны песком. Желтый песок — устойчивый образ сиротских свадебных песен и причитаний.

Заместитель отца (отчим, посаженный отец или свекор?) уподобляется соловью, который не способен выполнить поручение — добыть пиво, мед и горелку.

У А.В. Гуры символическая связь соловья со свекром, отчимом или посаженным отцом невесты-сироты не фиксируется. Понять появление соловья в данном произведении помогает обстоятельно объясненная Гурой взаимосвязь соловья и кукушки [2, с. 640–644; 705–712]. Соловей — мужской коррелят кукушки: по народным представлениям, они синхронно начинают и заканчивают петь; оба не имеют супружеской пары и т.д. Как кукушка, соловей оказывается связан с миром мертвых. В представленном тексте соловей как раз направляется в потусторонний мир, чтобы сообщить отцу невесты-сироты о ее свадьбе, но не долетает до места назначения. Связь соловья с миром мертвых обозначена негативно.

Свадебные песни

Пирялетывала пиряпелычка
 Со ржи у пашаницу —
 Пирязживала наша Манечка
 От батюшки к свекарю.
 А скажи, скажи, наша Манечка:
 А йде тябе лучче?
 «У батьки хорошо,
 А у свекра лучче» (4).

В комментарии собирателя указывается на обрядовую ситуацию, к которой приурочено исполнение данного текста: «Песня свадебная. Исполнялась свашками, когда совершался обряд переезда невесты в дом жениха».

Центральным образом песни является образ перепелки, соотносимый с невестой: «В восточнославянских свадебных и лирических песнях перепелка символизирует девушку, невесту или молодуху» [2, с. 719].

«Свадебные песни, причитания, приговоры, заговоры, загадки включены в обрядовый контекст, соотносятся с конкретной ситуацией обряда и нередко непосредственно описывают реальный ход ритуального действия, но при этом передают сюжет и содержание обряда в образно-поэтической форме, метафорически и символически» [1, с. 53]. Представленная песня демонстрирует образец такой символизации, которая в образной форме передает обрядовые события. Перелет перепелки

из ржи в пшеницу является устойчивым орнитологически-растительным символом перехода невесты из родительского дома в дом жениха [2, с. 719]. Синтаксический параллелизм первого и второго предложения подчеркивает параллелизм психологический, который выражается в возникновении трех образных парадигм: «невеста → перепелка», «родительская семья → ржаное поле», «семья мужа → пшеничное поле».

Следует отметить, что пшеница чаще всего выступает в свадебном обряде традиционным растительным символом невесты и ее семьи, а рожь — жениха и его семьи [1, с. 155]. В смоленской свадебной песне происходит обмен семантикой (невеста — жених) при сохранении растительной бинарной оппозиции (рожь — пшеница).

Литаў соловей пу бару —
 Скучненько яму одному.
 Дыкыда ж бы яму, пташечке?
 «Я-то б пу бару полетаў,
 Ды не так бы весело щебетаў».
 Едзь Мишечка па двару —
 Скучненько яму аднаму.
 Ды куда ж бы яму Мишечке?
 Ешчэ б пу бару паездзіў (5).

В пометке собирателя говорится о том, что песня «исполнялась при перевозе постели». Привоз постели — «одно из важнейших ритуальных действий во время свадебного пира» [4, с. 163]. «В свадебном обряде брачная постель — часть приданого, которая готовится невестой, перевозится к жениху и выкупается им» [1, с. 331]. Перевоз постели осуществляли родственники невесты, чаще всего крестные. «Привезенную крестными или родителями невесты постель на улице или уже в доме выкупала сторона жениха, что сопровождалось торгом и шутивными приговорами» [4, с. 165]. Перевоз постели завершался внесением ее в дом. Как правило, постельное белье было уложено в сундук, и, занося его в дом, необходимо было проявлять недюжинные усилия, демонстрируя тем самым непомерную тяжесть приданого, указывающую на его обилие [4, с. 166].

В данной песне орнитологическим символом жениха, связанным с ним с помощью все того же психологического параллелизма, является соловей. А.В. Гура отмечает, что символическая связь соловья с женихом необыкновенно характерна для свадебных песен, причем образ соловья в свадебном фольклоре наполняется эротическим содержа-

нием [2, с. 642–643]. В данной песне с соловьем сопоставляется жених в процессе перевоза постели. Функциональное назначение постельного белья делает понятным эротический контекст песни — веселое щебетание соловья после обретения супружеской пары.

Начало песни аналогично свадебной песни из Смоленского этнографического сборника: Щибитаў сылавей у дряму, — / Жуднинька яму аднаму: / — *Кали б* мыя пиряпелка са мною: / Щибитаў бы ўсю ноч я з ей [6, с. 95].

Литература

1. Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М.: Индрик, 2011. 936 с.
2. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Издательство «Индрик», 1997. 912 с.
3. Каяниди Л.Г., Храмкова К.О., Ковалева А.В. Смоленские календарно-обрядовые песни, собранные В.К. Ефременковым (с аналитическим комментарием) // Русская филология: Ученые записки Смоленского государственного университета. Т. 17. Смоленск: СмолГУ, 2017. С. 392–408.
4. Словарь русских народных говоров. Вып. 35. СПб.: Наука, 2001. 360 с.
5. Смоленский музыкально-этнографический сборник. Том 4: Свадьба днепровского правобережья: ритуал и музыка. М.: РАМ им. Гнесиных, 2016. 926 с.
6. Смоленский этнографический сборник / Сост. В.Н. Добровольский. Ч. 2. СПб., 1893.

Примечания

1. РГАЛИ, фонд 1451, оп. 1, ед. хр. 4, л. 164–165.
2. РГАЛИ, фонд 1451, оп. 1, ед. хр. 4, л. 168.
3. РГАЛИ, фонд 1451, оп. 1, ед. хр. 4, л. 160.
4. РГАЛИ, фонд 1451, оп. 1, ед. хр. 4, л. 163.
5. РГАЛИ, фонд 1451, оп. 1, ед. хр. 4, л. 167.

L. G. Kayanidi

***Smolensk Wedding Songs Collected by
V.K. Efremkov (Based on Materials of
Russian State Archive of Literature and Art)***

Keywords: *Smolensk folklore, wedding songs, archive, V.K. Efremkov.*